

Поворот на Восток: понимаем ли, к кому?

Не так давно, был на конференции в ИНИОН РАН, по вопросам безопасности и международных отношений, взаимоотношений в треугольнике ЕС-Китай-Россия. Выступали и такие авторитетные ученые как Евгений Гонтмахер и Алексей Громыко и многие другие. Евгений Гонтмахер отметил, что несмотря на декларируемый «поворот» к Китаю, тем не менее этот поворот все меньше и меньше имеет перспектив. Только за последний год, товарооборот между нашими странами сократился на несколько миллиардов долларов, многие крупные инвестиционные проекты все больше и больше замораживаются. Также не учитывается фактор создания ТТП, в котором на сегодняшний момент Россия практически не представлена.

Поворот на Восток нашей страны на сегодняшний момент можно рассматривать лишь как политический демарш в отношении наших европейских партнеров. Почему?

А по одной простой причине. 80% населения России проживает фактически западнее Сибири, большая часть торговых путей, также, находится западнее Сибири, в западной части России. Наибольшее количество международных транзакций осуществляется именно с европейскими партнерами. Со времени распада Советского Союза российские предприниматели вложили более 800 млрд долларов в экономику Евросоюза и европейских стран. Большая часть финансовых операций осуществляется российскими компаниями через западноевропейские и американские финансовые учреждения.

Там, где наши деньги — там и наши души. И души нашего крупного бизнеса. Более того, для того, чтобы Россия стала серьезным экономическим и политическим игроком на Востоке, под этим должна быть не только военно-техническая база, а серьезная социальная и экономическая база. Сомнительно, что такой базой могут стать вымирающие регионы Дальнего Востока России.

Они уже находятся экономически и социально в сфере интересов китайского бизнеса и китайской внешней политики, по сути, субъектность России на востоевразийском направлении, во-многом, определяется степенью их совпадением с интересами Китая.

Для того, чтобы поворот на Восток осуществился в той мере, в которой об этом декларируется на высоком межгосударственном уровне — нужно, чтобы Центральная Россия и ее финансовые центры переместились к Востоку как минимум до Иркутска и Барнаула. Для реального восточного поворота, необходимо, чтобы 30% российской экономики: экономически активного населения, индустриального потенциала, научного потенциала и так далее, - чтобы все это находилось на Дальнем Востоке. На сегодняшний день, для России Дальний Восток является, по сути, колонией. Ресурсы вымываются, инфраструктурные же проекты не реализуются. Казалось бы, вот должна быть реализована «Сила Сибири», но как оказывается, экономическая стагнация Китая, внутренние политические игры в Китае, политика перехода на энергосберегающие технологии, все больше и больше превращают «Силу Сибири» в эфемерный проект, проект-призрак. А ведь, именно на него возлагались значительные надежды по развитию востока России.

Таким же эфемерным становится и проект по реконструкции БАМа. Попытки вписать БАМ в концепцию строительства «нового Шелкового пути» также превращаются в «сизифов» труд. Для китайских предпринимательских кругов более предпочтительными являются более южные направления «нового Шелкового пути», пролегающие через страны Средней Азии, а вовсе не Азии. Плюс к этому, чистая рентабельность данного проекта все одно значительно ниже, чем те же самые морские перевозки через Индийский океан.

И все эти аспекты неоднократно освещались и в отечественной публицистике и в научных исследованиях.

К большому сожалению, «восточный поворот» России можно сегодня рассматривать лишь через призму того, чьим компаниям будут отданы на откуп восточные регионы России: европейским, американским или китайским. Может это и звучит пессимистично, но в условиях отсутствия политической воли развивать восток России и попыток сэкономить на региональном развитии — это становится реальностью не внешней политики России, а внутренней.